

№ 1469. Годъ XXIX.]

22-го марта 1897 г.

[Томъ LVII. № 13.

Ораторія „Мессія“. Петропавловское общество хорового пѣнія (St. Petri Gesangverein) дало въ лютеранской церкви св. Петра извѣстную ораторію Генделя „Мессія“, не исполнявшуюся у насъ лѣтъ девять. Цѣликомъ ее исполнить невозможно было (всѣхъ нумеровъ 54) и пришлось сдѣлать кое-какія купюры, особенно во второй и третьей частяхъ. Данъ былъ „Мессія“ при многочисленной публикѣ, переполнившей всю церковь и всѣ хоры, подъ управленіемъ г. Гомиліуса, при участіи оркестра, хора Петропавловскаго общества, органа и солистовъ: г-жѣ Лидіи Миллеръ (сопрано), Марковичъ (меццо-сопрано, а нуженъ альтъ) и гг. Барцала (теноръ изъ Москвы вмѣсто заболѣвшаго г. Литцингера изъ Берлина) и Систерманса (басъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ; пѣлъ у насъ въ „Jahreszeiten“ Гайдна на юбилейномъ концертѣ общества вмѣстѣ съ г-жей Зембрихъ). Ораторія въ общемъ прошла очень гладко и стройно.

„Мессія“ — одна изъ выдающихся ораторій Генделя — написанъ на собственный текстъ въ 1741 г. и содержитъ въ себѣ, за весьма немногими исключеніями, очень мало собственно религіозной музыки. Извѣстно, что Гендель относился съ полной свободой и объективностью къ библейскимъ сюжетамъ и текстамъ, на которые онъ писалъ свои ораторіи („Esther“, „Deborah“, „Израиль въ Египтѣ“, „Иуда Маккавей“ и друг.); стремясь къ реализму, онъ не отдавалъ предпочтенія церковному элементу, а старался придавать своимъ героямъ и въ особенности народнымъ массамъ общечеловѣческій характеръ. Почти невѣроятнo, но безспорный фактъ, что вся ораторія „Мессія“ написана Генделемъ въ 24 дня. Въслѣдствіе многочисленныхъ враговъ своихъ, хотя Гендель и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, „Мессія“ не могъ быть данъ въ Лондонѣ и въ первый разъ исполнялся въ Дублинѣ; только въ слѣдующемъ — 1742 — г. ораторія эта, данная, по свидѣтельству Бурнеса, въ Лондонѣ въ пользу сиротской больницы, была принята съ рѣдкимъ энтузіазмомъ, и съ тѣхъ поръ до самой кончины автора она ежегодно давалась въ пользу названной больницы подъ управленіемъ композитора.

Въ Англіи до настоящаго времени исполняются ораторіи Генделя съ многочисленными исполнителями при тысячной публикѣ, стекающейся сюда на эти музыкальные фестивали со всѣхъ концовъ; англичане считаютъ Генделя своимъ композиторомъ и гордятся имъ. Участвовать въ ораторіяхъ Генделя считается честью, которой многіе артисты добиваются. Мѣсто, къ сожалѣнію, не позволяетъ подробно останавливаться на каждомъ номерѣ „Мессіи“, да въ этомъ едва ли и предстоитъ надобность; одно можно сказать, что это *chef-d'oeuvre* въ ораторіальной музыкѣ, и исполненіе его требуетъ искусныхъ пѣвцовъ, вполне владѣющихъ голосами; это относится не только къ солистамъ, но и къ хору, которому Гендель поручаетъ весьма трудные пассажи и фюритуры. Нужно поэтому сказать, что хоръ Петропавловскаго общества, равно какъ и г. Гомиліусъ, заслуживаютъ всякихъ похвалъ за старательное изученіе этой трудной партитуры. Что же касается солистовъ, то и они были на мѣстахъ, за исключеніемъ развѣ г-жи Марковичъ, тембръ голоса которой не соответствуетъ тому, что здѣсь требуется. Очень хорошее сопрано у г-жи Миллеръ, г. Барцала выручаетъ его музыкальностью больше, чѣмъ голосъ, а г. Систерманса — хорошій басъ, которымъ онъ въ достаточной степени владѣетъ.

В. Б.

Казенная сцена въ 1896—1897 году. Минувшій сезонъ казенной драматической сцены ознаменовался кое-какими событіями, которыя стоитъ отмѣтить. На александрийскую сцену приняты двѣ очень даровитыя артистки, одна изъ нихъ, г-жа Комисаржевская, на первыя роли. Другая, г-жа Никитина, выступала ранѣе съ успѣхомъ на сценѣ театра литературно-артистическаго кружка. Г-жа Комисаржевская выступила въ „Всѣ бабочекъ“, переводной пьесѣ Зудермана, и въ „Безприданницѣ“, Островскаго. Въ послѣдней пьесѣ г-жа Комисаржевская имѣла столь большой успѣхъ, что сразу заняла первое — послѣ г-жи Савиной — мѣсто въ артистическомъ персоналѣ нашей сцены. Затѣмъ постановка такихъ пьесъ, какъ „Димитрій Самозванецъ“ и „Венеціанскій купецъ“, требовавшая значительнаго числа дѣйствующихъ лицъ, дала возможность выдвинутся артистической молодѣжи, принимаемой обыкновенно на казенной сценѣ сперва лишь на очень маленькія роли. Благодаря этому обстоятельству, публика познакомилась, между прочимъ, съ игрою г. Озаровскаго, превосходно исполнившаго роль Ланчелота въ

„Венеціанскомъ купцѣ“. Вообще, въ смыслѣ артистическаго состава прошлый сезонъ отличался значительнымъ оживленіемъ. Нелзя сказать того же о репертуарѣ. Всѣ, или почти всѣ, шедшія пьесы отличались крайне однообразнымъ характеромъ. Всѣ онѣ изображали тусклую будничную дѣйствительность и различались только оттѣнками, постоянно мѣнявшимися, отъ самыхъ мрачныхъ („Власть тьмы“) до болѣе жизнерадостныхъ. Двѣ пьесы классическаго репертуара—„Венеціанскій купецъ“ и „Севильскій цирюльникъ“—не нарушили общаго характера репертуара, такъ какъ онѣ тоже изображаютъ реальную дѣйствительность, хотя и не приуроченную къ извѣстному мѣсту и народу. Въ этомъ отношеніи казенный репертуаръ представлялъ рѣзкій контрастъ съ театромъ литературно-артистическаго кружка, на которомъ все ставились идейныя, аллегорическія и нео-романтическія пьесы. Изъ поставленныхъ новыхъ пьесъ только „Цѣна жизни“ имѣла достаточный успѣхъ, благодаря игрѣ г-жи Савиной и искусно затронутымъ моднымъ вопросамъ. Прочія пьесы не удерживались въ репертуарѣ—главнымъ образомъ потому, что не давали ничего существенно новаго и оригинальнаго. „Чайка“, г. Чехова, очень талантливо задуманная, не отличается особенной сценичностью, а всѣ выведенныя имъ дѣйствующія лица мало характерны и интересны, хотя и жизненны. Все достоинство этой оригинальной пьесы въ изображеніи тонкихъ, запутанныхъ настроеній героини, а такія вещи на сценѣ не всегда удаются. „Пашенька“, г-жи Персіаниновой—написана на избитую тему, и вся оригинальность въ ней только въ томъ, что герой начинаетъ стрѣляться съ перваго же дѣйствія и продолжаетъ заниматься этимъ до послѣдняго. „Безчестные“ оказались довольно скучной мелодрамой. „Великій банкиръ“—ничѣмъ не мотивированное, не симпатичное по существу восхваленіе Ротшильда. „Питомка“ отличается малой правдоподобностью сюжета. Изъ ряда переводныхъ пьесъ, для которыхъ въ этотъ сезонъ специально была отведена сцена Михайловскаго театра, съ наибольшимъ удовольствіемъ смотрѣлась „Невѣрная“, благодаря чудесной игрѣ артистическаго тріо—г-жи Савиной и гг. Сазонова и Аполлонскаго. Изъ маленькихъ пьесъ заставила о себѣ говорить одноактная шутка г-жи Щепкиной-Куперникъ „Местъ Амура“. Это точно уголокъ театра литературно-артистическаго кружка, попавшій на казенную сцену и окруженный, дѣйствительно, нарядной обстановкой. Къ сожалѣнію, вся эта шутка написана слишкомъ серьезнымъ тономъ и потому оставляетъ крайне непріятное впечатлѣніе, такъ какъ дѣло идетъ въ ней объ увлеченіи дѣвушки другою, только переодѣтою въ мужское платье, женщиной. Изъ возобновленныхъ пьесъ, кромѣ „Безприданницы“ и „Венеціанскаго купца“, о которомъ мы говорили выше, слѣдуетъ отмѣтить еще „Дмитрія Самозванца“, пьесу мало выдающуюся въ драматическомъ отношеніи; но она была поставлена роскошно, и артисты приучались въ ней носить историческіе костюмы. По воскреснымъ днямъ утромъ давались спектакли для учащейся молодежи, — тутъ шли главнымъ образомъ комедіи Гоголя и Островскаго, а также „Горе отъ ума“ и „Гамлетъ“. Это очень полезное нововведеніе. Наконецъ, какъ исполненіе, заставлявшее говорить о себѣ, слѣдуетъ упомянуть, кромѣ дѣйствительно прекрасной игры г-жи Комисаржевской, за которую, какъ за дебютантку, слѣдили съ особеннымъ интересомъ, — исполненіе роли Шейлока гг. Давыдовымъ и Дальскимъ, Порціи г-жей Мичуриной и объ игрѣ г-жи Савиной въ „Невѣрной“. Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить очень трезвое отношеніе казенной сцены къ искусству, выразившееся, какъ въ выборѣ пьесъ почти исключительно реального направленія и въ крайнемъ случаѣ классическаго репертуара, такъ и въ гармоничной естественной игрѣ актеровъ, сыгравшихся замѣчательно ровно и не позволяющихъ себѣ никогда становиться на ходули.